

15 марта, ночью.

Милостивый Государь
Федоръ Михайловичъ,

Только вчера, по окончаніи «политическаго процесса», въ которомъ я участвовалъ какъ защитникъ, я прочелъ Вашъ февральскій «Дневникъ». Но еслибы я прочелъ его до тѣхъ жгучихъ впечатлѣній, какія я вынесъ изъ процесса, я не понялъ бы Васъ. Послѣ процесса, я читалъ то, что Вы «изо всей силы» заявляете, — какъ мною самимъ прочувствованное, какъ несомнѣнную истину. Только тогда поймешь правду, когда станешь думать сердцемъ.

Вы писали не объ этомъ дѣлѣ, а вообще о великомъ движеніи,

// л. 1

которое происходитъ на нашихъ глазахъ. Но этотъ процессъ — только одинъ изъ трагическихъ эпизодовъ того великаго движенія.

Судили «революціонеровъ» (и нѣкоторые изъ нихъ сами полагаютъ, что они «революціонеры») — а между тѣмъ о революціи почти не было и помину; только изрѣдка — и то некстати, какъ нѣчто «заграничное», какъ явно-фальшивая нота — звучали задорныя слова, изъ которыхъ оказалось возможнымъ выжать нѣчто похожее на «революцію». Все остальное, основной мотивъ — «русское рѣшеніе вопроса»...

Много юношей приговорены къ каторгѣ; между ними нѣсколько превосходныхъ дѣвушекъ. Это «опасные» люди, — страшнѣе цѣлыхъ армій, потому что міръ будетъ побѣжденъ не войною, не насиліемъ, а именно этими блѣдными дѣвушками,

// л. 1 об.

крѣпкою, страдающею любовью: не сильные, а «кроткіе наследуютъ¹ землю».... Но судьи правы только въ этомъ смыслѣ...

Безъ сомнѣнія, Вы будете говорить объ этомъ дѣлѣ; Вы обязаны это сдѣлать. Но изъ газетъ Вы узнаете мало. Не пожелаете ли Вы выслушать меня — очевидца отъ начала до конца. Я могу рассказать Вамъ даже больше, чѣмъ знаютъ судьи, — то, что говорили мнѣ эти чистыя сердцемъ каторжницы въ тюрьмѣ — «на свободѣ», какъ другу. Я расскажу Вамъ правду — и слѣдовательно Вы мнѣ повѣрите.

Искренно Васъ уважающій
А. Боровиковскій.

Кромѣ среды, я свободенъ всѣ вечера (съ 8 ч.) этой недѣли. Примите меня когда хотите, предупредивъ съ утра.

¹ Исправлено. В рукописи было: наследять

Мой адресъ: «Знаменская улица, на углу Бассейной, д. Дурдина, кв. 31,
Александру Львовичу Боровиковскому».

// л. 2

²Посвященіе въ³ поэты.

Никогда и не мечталъ онъ
О названіи поэта....
Лишь однажды написалъ онъ
Три посредственныхъ куплета....
Повезло стихотворенью:
Въ мигъ дошло до прокурора,
Новый критикъ — къ уложенію
Обратился для разбора,
Судъ, согласно съ прокуроромъ,
Возвеличилъ тѣ куплеты —
И судебнымъ приговоромъ
Возвели его въ поэты....

А. Боровиковскій

// л. 3

Хлѣбъ роскошный, звѣри, птицы,
Чтò ни видишь — все твое!...
Шапку снялъ⁴: «не становой ли?» —⁵
Грустный, тощій, весь въ пыли,
Человѣкъ, «вѣнецъ созданья,
Перлъ природы, царь земли»....

// л. 3 об.

Поэту.

За свои стихотворенія
Ты куда же мнишь попастьъ:
Въ олимпійскія ль селенія?
Въ полицейскую ли часть?...

// л. 4

² В правом верхнем углу рукой неустановленного лица сделана запись: Набрать

³ въ вписано.

⁴ Вместо: Шапку снялъ — было: Задрожалъ

⁵ Далее было: Засмѣялся горькимъ смѣхомъ